

DOI: 10.19181/demis.2022.2.3.2

EDN: UWZORY

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ СТРАН ЕАЭС: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: Рославцева М. В. Социальная память молодежи стран ЕАЭС: результаты исследования // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 25-36. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.2>. EDN: UWZORY

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучается состояние социальной памяти молодежи на евразийском пространстве с целью поддержания продуктивного социально-экономического сотрудничества стран ЕАЭС в будущем. Гипотеза исследования звучит следующим образом: социальная память молодежи государств – участников ЕАЭС содержит мало сведений об общем прошлом стран этого союза, кроме того, отсутствует положительный образ интеграционного объединения, в связи с чем правительствам стран ЕАЭС необходимо сформировать и реализовать ряд мер по консолидации молодежи своих государств. Для проверки гипотезы был проведен теоретический обзор работ по социальной памяти, а также эмпирическое исследование методом полуструктурированного экспертного интервью. Было проведено 50 экспертных интервью с представителями всех стран – участниц ЕАЭС и стран – кандидатов на вступление в союз. В результате была получена подробная экспертная оценка развития социальной памяти и политики по ее продвижению. Были выделены положительные и негативные тенденции в формировании представлений об общем прошлом и современном состоянии евразийской интеграции среди молодежи ЕАЭС. Также были даны практические рекомендации, реализация которых позволит консолидировать молодежь Евразии и сформировать у нее положительный образ общего прошлого и будущего. Результаты исследования представляют интерес для политического руководства стран ЕАЭС и союза в целом, так как освещают проблематику недостаточной интеграционной политики союза. В будущем важно оценить реализацию на практике предложенных экспертами мер.

Ключевые слова: социальная память, идентичность, ЕАЭС, молодежь, социальная политика, евразийство.

Введение

Изучение социальной памяти имеет особую актуальность по ряду причин. Во-первых, в эпоху глобализации существует общепризнанный риск размывания национальной идентичности, чему может препятствовать актуализации общего прошлого в сознании молодежи. Второй момент, угрожающий социальной памяти, связан с возможностью внешнего влияния на нее путем применения информационных технологий. Формирование социальной памяти актуально именно в молодежной среде, так как в дальнейшем представители именно этой социально-демографической группы будут отвечать за все ключевые процессы внутри и между государствами, исходя из того представления о прошлых событиях, которое будет у них сформировано внешними факторами.

Построение согласованной социальной памяти на постсоветском пространстве может быть реализовано в первую очередь в рамках деятельности тех союзов, которые уже созданы странами на данной территории. Среди них наибольший интерес представляет организация ЕАЭС. Это объединение создано в 2015 году и в рамках него в настоящее время ведется активная работа по экономической и политической интеграции. Для поддержания этой положительной интеграционной тенденции ЕАЭС, согласно нашей гипотезе, необходимо добавить аспект культурной и гуманитарной интеграции в контексте продвижения политики памяти.

Обзор научной литературы

Нами был произведен теоретический обзор трудов по социальной памяти в зарубежной и отечественной социологии, в первую очередь, работа Осадчей Г. И. и Киреева Е. Ю. «Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа» [1]. В результате была сформулирована теоретическая модель настоящего исследования и дано определение социальной памяти молодежи стран ЕАЭС.

Одним из первых, кто в 1925 году занялся изучением природы социальной памяти, был классик французской социологии М. Хальбвакс [2; 3]. Он, утверждал, что социальные группы обладают определенной памятью. Воспоминания образуются в сознании членов группы, исходя из принятых социальных договоренностей. События прошлого, содержащиеся в социальной памяти, распределены неравномерно, так как люди отмечают на временной хронологии памяти выборочные важные эпизоды. Природа социальной памяти содержит в себе не только исторические отметки, но и оценку этих событий. Социальные группы могут в любой момент реконструировать субъективную интерпретацию исторического прошлого, результат которой может искажать былую действительность.

Продолжателем мысли М. Хальбвакса выступил французский историк П. Нора [4]. По его мнению, до нас доходят «архивные формы» памяти, так как живые традиции в современном обществе угасают, практика их воспроизводства все менее распространена. Эти останки былых практик автор призывает искать в особых зонах, давая им определение «места памяти» (*les lieux de mémoire*). Он отмечает также тенденцию «рождения наций», которая подчеркивает разрыв нового национального образования с прошлым, отрицание исторической памяти.

В ходе теоретического обзора нами особо была отмечена работа А. Ассман. В своей работе «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» [5] автор выделяет три типа памяти: нейронную, социальную и культурную, наиболее подробно рассматривая последние два вида. Важным выводом для представленной работы является то, что изучаемая социальная память ЕАЭС относится по типологии А. Ассман к социальной памяти, так как она заключает в себе память об общем прошлом на протяжении 3–4 поколений.

Проблемами памяти поколений занималась и американская исследовательница Марианна Хирш [6]. В своих работах она акцентировала внимание на явлении «постпамяти». В концепции автора феномен «постпамяти» выражает запоздалость оценки исторических событий и происходит через цитирования и посредничество. В другой работе [7] ученый пишет, что постпамять захватывает личность, интерпретирующую ее и одновременно фильтруется через семейные или другие групповые отношения. Также автор отмечает тенденцию к искажению социальной памяти в рамках межпоколенческой трансляции. М. Хирш приходит к выводу, что молодежь обладает особыми, но связанными с предыдущими поколениями видами памяти. При этом особую роль она отводит фото- и видеоматериалам.

Следующим автором, внесшим вклад в сферу “*memory studies*”, стал известный британский социолог Зигмунт Бауман. Во введении к своему труду «Ретротопия» [8], опубликованному в 2017 году, ученый, ссылаясь на работу Светланы Бойм [9], описывает «эпоху ностальгии», называя ее «ретротопией». Автор описывает это явление так: «отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав

ему ценности стабильности и надежности» [8, с. 19]. Важной чертой ретротопии, которую выделяет С. Бойм, является ее появление в периоды войн и революций [9]. Так, З. Бауман пишет, что в настоящее время в России распространены «представления о последних советских десятилетиях как о «золотой эпохе стабильности, силы и, нормальности» [8, с. 22], видя это как результат падения коммунизма.

Одним из советских ученых, изучавших социальную память, был Ю. А. Левада. В сборнике трудов ученого, подготовленном его учениками, «Время перемен: предмет и позиция исследователя» [10] присутствует ряд статей, в которых автор рассматривает три ключевых для темы нашего исследования понятия: социальная память, историческое сознание и мифологическое сознание. Понимание социальной памяти Ю. А. Левады сильно отличается от того, что мы видим у зарубежных социологов: для него социальная память – это память людей о том, как нужно вести себя в обществе, примерная программа действий. Изучаемое нами явление ученый называет историческим сознанием и приписывает ему схожие с зарубежными описаниями социальной/коллективной памяти свойства. Он дает ей следующее определение: это «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознано (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [10]. В зависимости от временной удаленности событий он выделяет «короткую» и «длинную» память. Если короткая память также, как и другая социальная, дает обществу программы поведения, то длинная память служит как база для сравнения прошлого и современности. Ю. А. Левада рассматривает мифологическое сознание как одну из форм исторического. Мифология, содержащаяся в нем, не похожа на правду, но, по мнению ученого, она для выполнения своей главной функции и не нуждается в правде.

Работа Ж. Т. Тощенко [11] также представляет альтернативную терминологию в изучении памяти. Он проводит разграничение понятий «историческое сознание» и «историческая память». Первое в его теории есть совокупность идей, образов и чувств, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии в различных социальных группах. Второе понятие, историческая память, означает «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [11, с. 7] Две черты исторической памяти – актуализация и избирательность – связаны со значимостью исторического знания для настоящего.

Ж. Т. Тощенко, как и Ю. А. Левада, выделяет краткострочную память как отдельный подвид исторической. Как пример он приводит память российского человека о событиях XX века. События краткострочной памяти еще отражены в личной жизни их свидетелей и подвержены влиянию индивидуального восприятия. Это восприятие обусловлено влиянием множества внешних факторов, которые могут изменять свою оценку в зависимости от ситуации в стране: бытовые обсуждения событий, официальные и полуофициальные объяснения, литературные источники и т. д.

Систематизировать подходы к изучению социальной памяти и привести более конкретные примеры удалось Е. Ю. Рождественской и В. В. Семеновой. [12] Ученые отмечают, что социальное прошлое принято неодинаково воспринимать в различных культурах и уровнях. Опираясь на Н. Г. Брагину [13], ученые выделяют перечень функций памяти: селективная, интерпретативная и реверсивная. В ходе теоретического обзора авторы приходят к выводу, что в научном сообществе отсутствуют единые представления о природе памяти. Две разновидности памяти они называют

культурной и коммуникативной памятью. А опираясь на А. Борозняк [14], Е. Ю. Рождественская и В. В. Семенова приходят к заключению, что переход от второй к первой осуществляется со смертью членов социальных групп: в результате коллективная память непосредственных участников событий превращается в примерный образ, становясь частью культурной памяти.

Однако теоретической базой нашего исследования в первую очередь является работа Осадчей Г. И. и Киреева Е. Ю. «Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа» [1]. В результате анализа трудов по проблематике социальной памяти Осадчая Г. И. и Киреев Е. Ю. делают ряд важных выводов. В результате построения теоретической модели исследователи формулируют следующее определение своего объекта: «социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции» как актуальной социальной информации о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства, и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно-культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по-разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции» [1, с. 75]. Авторы также используют терминологию М. Хиршман и относят изучаемое явление к постпамяти, т. к. при формировании образа прошлого представители поколения Y не опираются на личный биографический опыт, а используют собственное воображение и интерпретацию, предоставляемую их социальным окружением более старшего возраста.

Осадчая Г. И. и Киреев Е. Ю., равно как и их коллеги, отмечают роль процесса запоминания и забвения в функционировании памяти. Обобщая высказанные ранее теоретические положения, они выделяют следующие функции памяти: передача знаний прошлого, культурных компетенций и ценностей, дает актуальную информацию для социального взаимодействия, образует нормы, регулирующие приемлемое поведение в обществе, формирует идентификацию членов социума, задает тенденции в объяснении событий прошлого. В случае социальной памяти молодежи стран ЕАЭС она также служит фактором формирования установок на евразийскую интеграцию.

Как и Е. Ю. Рождественская и В. В. Семенова, ученые выделяют коммуникативную и культурную память. Они также подчеркивают влияние медиа на содержание памяти и разнородность ее нарративов в связи с неоднородностью социальных групп и сообществ. Авторы выделяют проблему отсутствия влияния социальной памяти молодежи на ее повседневную жизнь. Потенциал влияния социальной памяти не раскрыт, и она представляет собой силу, которая может спонтанно проявиться или быть использована заинтересованными политическими образованиями с целью дезинтеграции общества.

В качестве содержания социальной памяти молодежи ЕАЭС ученые изучают эмоциональное отношение к СССР, фреймы советского прошлого и ассоциации, возникающие у молодежи с историческими событиями в совместном прошлом времен СССР. Эта память в каждой стране и в союзе в целом неоднородна, так как восприятие истории напрямую связано с ценностным комплексом и жизненным опытом поколения миллениалов. Кроме того, отношение к советскому прошлому меняется с взрослением молодежи и в зависимости от особенностей социальной реальности.

В заключение описания теории Осадчая Г. И. и Киреев Е. Ю., отмечают, что отношение молодежи к прошлому своих стран в рамках истории СССР коррелирует с

отношением к интеграционным процессам в Евразии. Также они указывают на то, что социальная память молодежи стран ЕАЭС нуждается в предложениях и реализации способов ее реконструкции в целях развития интеграции населения постсоветского пространства.

Методология и методы исследования, источники информации

В рамках исследования были поставлены следующие задачи: 1. Оценить состояние интеграционных процессов в ЕАЭС; 2. Сформулировать социальные практики, направленные на сохранение социальной памяти молодежи стран ЕАЭС; 3. Предоставить перечень практических мер, направленных на формирование согласованной политики памяти среди постсоветской молодежи.

В качестве метода исследования был использован метод полуструктурированного экспертного интервью, так как он обладает рядом преимуществ по отношению к избранному предметному полю. Во-первых, прямой контакт с молодежью ЕАЭС осложнен возможным языковым барьером. Население имеет низкую осведомленность о Евразийском экономическом союзе и о процессах, происходящих в нем. Во-вторых, экспертам будет проще оценить социальную память молодежи стран ЕАЭС, так как у них будет необходимый для этого объем исторических сведений о прошлом евразийского пространства. Полуструктурированное интервью позволит наиболее полно осветить все проблемы, связанные с изучаемой темой.

Гайд интервью состояли из 11 вопросов, разбитых на три блока. Первый блок включал вопросы об общем состоянии интеграционных процессов. Второй блок был направлен на выявление мнения экспертов о содержании социально-исторической памяти молодежи стран – членов и кандидатов на вступление в ЕАЭС, а также оценки политики памяти. И, наконец, были заданы вопросы о влиянии новых медиа на состояние социальной памяти молодежи, а также рассмотрены возможные пути формирования политики памяти в ЕАЭС.

Основным критерием для выбора экспертов с целью проведения интервью выступила их научная и профессиональная деятельность. Были проведены интервью с учеными, интересующимися вопросами социальной памяти и Евразийской интеграции, с общественными и политическими деятелями, работа которых так или иначе связана с аналогичной проблематикой. В ходе проведения интервью были опрошены 50 экспертов из стран – участниц ЕАЭС и других бывших республик СССР.

Среди экспертов были представлены ученые из МГУ им. М. В. Ломоносова, Уральского федерального университета, Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Российской таможенной академии, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Ошского университета и Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина. Кроме них экспертами выступили сотрудники Центра евразийских исследований (г. Пермь), сотрудники Информационного агентства «EurAsia Daily», представители Международной некоммерческой организации исследовательских агентств «Евразийский монитор», сотрудники Института философии Национальной академии наук Беларуси, представители НКО «Евразийское партнерство».

Результаты

В результате полученных интервью, их транскрибации и анализа были выявлены ключевые моменты о состоянии Евразийской интеграции, о проблемах и предложениях по вопросам политики памяти и перспективах ее реализации.

В ходе оценки достижений интеграционных процессов в ЕАЭС эксперты отметили недостаточную интенсивность реализации мер на практике: *«Я сказала бы, что интеграционные процессы только начинают свое движение, потому что, если смотреть даже по тем данным, которые связаны с исследованиями, которые проводились относительно восприятия этого союза, то, в принципе, пока есть большая доля тех, кто не знает об этом союзе».*

Однако в рамках интеграции имеют место и достижения, которые носят в первую очередь экономический характер, что объясняется спецификой интеграционного объединения. Так, эксперты отмечают, что в целом создание ЕАЭС является положительной тенденцией для Евразийского пространства: *«Для меня вообще существование этого союза – это само по себе достижение. Потому что в нынешней гнетущей мировой обстановке то, что мы по-прежнему имеем союзников, точнее Россия, это уже большое достижение».* В процессе создания союза были образованы такие базовые организации, как Таможенный союз и Евразийская экономическая комиссия, в результате чего были заложены институциональные основы, которые послужат основой дальнейшей интеграции.

В экономическом плане ЕАЭС позволил упростить перемещение товаров и рабочей силы, что часто эксперты отмечают как основной плюс. Выделяют также особую роль Таможенного союза как эффективного регулятора вопросов транспортировки товаров. Помимо этого, положительным результатом создания союза можно назвать новые инвестиционные возможности, которые открывает интеграция.

Эксперты уделили большее внимание и проблемам союза. Так, опрошенные регулярно возвращались к вопросам крайне недостаточного освещения деятельности ЕАЭС: *«Самый первый момент, который я для себя отметила, когда готовилась к интервью, – несовершенство информационного сопровождения Евразийской экономической интеграции...».*

Сложности имеются и во взаимодействии стран – членов между собой. Участники союза являются несоразмерными, имеют разного масштаба экономику, ВВП, территорию и население. Из-за чего в союзе наблюдается неравномерность распределения отношений, в результате которой доминирующее положение занимает Россия. Это нашло отражение в следующей цитате: *«Мешает конечно в первую очередь сильный дисбаланс политический, экономический в сторону России. Россия – это как бы ядро союза, но создает целый ряд дисбалансов, мне кажется, даже в большей степени с политической точки зрения, чем с экономической».*

В то же время страны – члены и кандидаты на вступление в союз имеют особую направленность внутренней политики, которая также не способствует интеграции. Здесь эксперты отмечают в некоторых аспектах особый акцент стран на собственном суверенитете. Несмотря на упоминание достижений в таможенной и миграционной политике, на развитие инвестиций, эксперты все еще склонны оценивать уровень экономической интеграции стран как недостаточный.

Они выделяют проблемы идеологического и культурологического характера. В частности, говорят о нехватке солидарности среди государств – членов ЕАЭС. Более того, существует проблема отсутствия идентификации руководства и населения

стран с Евразийским экономическим союзом: *«И каждая страна пытается все еще продолжать выстраивать концепцию «свой – чужой», игнорируя то, что нам нужно воспринимать всю эту историю как общую. То есть проблема построения вот этого «Мы» у ЕАЭС». Кроме того, союз крайне нуждается в развитии единого культурного пространства.*

Стоит отметить следующую важную тенденцию: большинство достижений ЕАЭС связано с экономической деятельностью, что объясняется основной направленностью деятельности союза. В то же время выделенные экспертами главные проблемы касаются политической сферы, развитие которой также необходимо для согласованной работы союза. Следовательно, возникает вопрос о глубине и направленности необходимой интеграции. На такой вопрос эксперты отвечают, как правило, делая акцент на необходимость экономической, политической и военной интеграции. В качестве примера успешности последнего аспекта опрошенные приводят пример ОДКБ как эффективного военного союза на территории Евразии. Мало того, респонденты отмечают, что экономическая интеграция возможна лишь в случае политического согласования деятельности государств и в случае обеспечения безопасности членов союза путем военного сотрудничества. В случае непроработанности этих составляющих экономическое сотрудничество будет носить непрочный и недолговечный характер. Также для успешного функционирования союза эксперты настаивают на социокультурной интеграции стран как основе формирования связей между гражданами данного союза *«...культура – это четвертая опора, которая превращает вот этот треугольник развития в устойчивую структуру прямоугольника».*

Оценивая состояние социокультурной интеграции и политики памяти, в первую очередь абсолютное большинство опрошенных экспертов отмечает, что действия, предпринимаемые в данном направлении, недостаточны, либо вовсе отсутствуют. Как один из инструментов проведения подобной политики ученые предлагают использовать память о Великой Отечественной войне как основу для консолидации населения. В то же время существует необходимость и в других составляющих формирования социальной памяти молодежи: *«И самое главное, это мое личное мнение, я с большим уважением отношусь к памяти о Великой Отечественной войне, всего того, что было, но, по мне, если мы делаем упор на общем прошлом, то никогда ничего не достичь в настоящем и тем более в будущем. Поэтому надо делать упор на проектах и вещах, которые нас объединяют сейчас и будут объединять в будущем. Поэтому вот такой упор на Великую Отечественную войну, на общее прошлое, это, конечно, заслуживает уважения, но это бесперспективно и никогда не принесет успеха в интеграционном проекте».*

При одновременной недостаточности достижений в политике памяти на евразийском пространстве имеют место негативные тенденции в ее проведении. Так, эксперты замечают, что ряд стран при формировании представлений населения о прошлом ориентируется не на общую историю постсоветских государств, а на историю конкретной территории, выделяет вклад отдельной национальности в события общего прошлого. Страны союза стараются сформировать свою национальную идентичность в отрыве от общего прошлого евразийского пространства. Как отмечают эксперты, при формировании такой идентичности имеется опасная тенденция к переписыванию истории и изменению роли России в ней на статус агрессора-завоевателя: *«То есть каждая из стран постсоветского пространства проводит собственную историческую политику, причем в основе этой исторической политики лежит одна единственная, центральная идея. Ну не единственная, но центральная – она заключается в том, что нужно таким образом корректировать историю, выделить в ней те моменты, которые будут дока-*

зывать, что независимое государство на этой территории существовало испокон веков, и оно как можно менее было обязано и связано с Россией».

Если систематизировать проблемы, связанные с политикой памяти в Евразийском экономическом союзе, то можно выделить шесть наиболее часто отмечаемых аспектов. Так, эксперты опасаются, что у ЕАЭС отсутствует единая политика памяти, страны разобщены и не предпринимают согласованных действий по данному вопросу. К тому же политика памяти носит «ситуативный» характер, что означает привязку определенных действий к конкретным датам и праздникам и отсутствие планомерной работы с населением между этими событиями. Здесь же эксперты вновь отсылают к проблеме недостаточной популяризации союза и неудовлетворительного освещения его деятельности в СМИ, как привычного формата, так и «новых медиа». Затем существует проблема уменьшения роли русского языка при осуществлении политики памяти, его забывания, сокращения часов его обучения в школах стран – участниц ЕАЭС и кандидатов на вступление. Налицо необходимость проведения образовательных мероприятий для граждан всего союза не только с целью повышения знания русского языка, но и для того, чтобы расширить их знания об общей истории стран – участниц. Заключительной проблемой можно назвать «десоветизацию» Евразийского пространства при проведении политики памяти.

В целом можно сделать вывод о том, что в настоящий момент политика памяти не приносит консолидации в Евразийский экономический союз. В то же время меры, которые принимаются государствами, его участниками, скорее носят дестабилизирующий характер, так как направлены на образование внутри стран национальной идентичности.

При освещении возможных направлений политики памяти респонденты-эксперты констатируют, что молодежь не имеет представления о личной выгоде от участия ее страны в ЕАЭС. Она не понимает необходимости и бонусов этого союза, не представляет, в чем заключается его суть. В качестве решения данной проблемы эксперты предлагают эту личную выгоду популяризировать через размещение информации о преимуществах ЕАЭС в тех источниках информации, которыми пользуется молодежь: *«...больше должно быть каких-то каналов на YouTube, в соц. сетях именно этих интеграционных моментов, чтобы люди понимали, что кроме своего есть еще цивилизационное – Евразийский уровень».*

Выделяются другие направления политики памяти, которые нужно реализовывать. Так, респонденты отмечают, что необходимо выстраивать политику памяти с помощью социокультурных и образовательных обменов. Также важно формировать единое пространство в информационном поле союза, чтобы молодежь была информирована о существовании ЕАЭС и его достижениях. Политика памяти должна видоизмениться, она должна стать единой для всего евразийского пространства и проводиться только после совместного долгосрочного планирования ее целей и задач. Многие эксперты упоминают термин «мягкая сила», как наиболее эффективный инструмент реализации политики памяти.

В то же время один из основных органов ЕАЭС – Евразийская экономическая комиссия – большинством экспертов была признана неподходящим инструментом для реализации вышеописанных мер. Следовательно, существует потребность в создании в ЕАЭС определенного наднационального органа. При этом возникают сложности с выбором формата, так как создание межправительственной структуры может привести к ее бюрократизации и фиктивности. В то же НКО напрямую зависят

от источника финансирования, который может оказывать влияние на направления их деятельности. Также имеет место проблема доверия НКО со стороны населения стран Евразийского экономического союза.

При обсуждении роли «новых медиа» в реализации политики памяти в ЕАЭС эксперты отмечают высокую роль таких ресурсов для формирования представлений о прошлом среди молодежи постсоветского пространства. Кроме того, эксперты опасаются возможных манипуляций с историческими фактами на просторах «новых медиа» и предлагают меры, которые могли бы помочь в формировании политики памяти в странах – участницах союза и государствах – кандидатах на вступление. Так, необходимо создавать источники, которые будут способны в достаточном объеме предоставлять положительную информацию об общем прошлом и актуальных достижениях стран ЕАЭС. В настоящий момент важно проводить разработку количественно-качественных показателей памяти, способных измерить ее состояние применительно к сетевому контенту. Помимо создания альтернативных источников информации нужно проводить мониторинг уже имеющихся ресурсов на предмет выявления источников позитивной и негативной информации, формирующей образ интеграции. Также необходимо проводить онлайн-мероприятия, в рамках которых будут применяться технологии по локализации или нейтрализации негативной информации об интеграционном объединении, с последующим формированием положительного образа интеграции у участников мероприятий. Итогом всех применяемых мер должно стать формирование единого информационного поля под контролем ЕАЭС, которое будет активно представлено в социальных сетях.

В заключение интервью респондентам было предложено привести перечень наиболее актуальных направлений по формированию политики памяти. В целом, по их мнению, необходимо более активное применение средств мягкой силы образованными наднациональными структурами. Чаще всего опрошенные отмечали важность информирования населения о преимуществах интеграционного объединения для их страны и отдельных граждан. Была отмечена необходимость формирования общего информационного пространства и положительной повестки в «новых медиа» о союзе и общем прошлом стран – участниц. Что нужно осуществлять в понятной и доступной для молодежи форме с дублированием на национальных языках. Важно развивать тенденцию регулярного проведения культурно-образовательных обменов с перспективой создания единого культурного пространства. Эксперты констатировали, что в научной среде не хватает методологии, способной оценить количественно-качественный аспект памяти. Под конец интервьюирования респондентам предлагалось назвать меры, принятие которых в идеологической сфере крайне важно. Практически все эксперты отметили необходимость борьбы с «десоветизацией» общей истории стран ЕАЭС и фальсификацией истории. Также, по мнению респондентов, актуальность представляет работа по созданию общей евразийской идеи.

Обсуждение

В результате представленного эмпирического исследования были подробно рассмотрены достижения и проблемы евразийской интеграции на настоящий момент. Итак, основой дальнейшего развития Евразийского экономического союза является не только успешная экономическая деятельность, но и политика памяти. Сейчас ее проведение сопряжено с рядом сложностей и негативных явлений. Поэтому эксперты и предложили ряд крайне актуальных мер, способных изменить ситуацию, сфор-

мировать положительный образ интеграции в первую очередь у молодежи, как потенциальной движущей силы любых изменений в обществе

Заключение

Благодаря предпринятому нами исследованию был произведен анализ трудов, посвященных проблематике социальной памяти. На основе теоретической модели был сформирован гайд и проведены 50 экспертных интервью. Мнение экспертов, полученные в ходе эмпирической части исследования, содержат детальный обзор современного состояния Евразийской интеграции и ряд мер по ее укреплению.

В завершение представленной работы отметим, что результаты проведенного эмпирического исследования имеют особую актуальность и ценность. Те проблемы, о которых говорили эксперты, требуют решения действующим руководством ЕАЭС именно в наши дни. Трудно не согласиться с тем, что угроза разобщенности населения постсоветских стран грозит геополитическими кризисами. Избежать этого поможет достижение союзных, добрососедских отношений не только на уровне власти, но и на уровне рядовых граждан, которые могут построить прочные связи стран путем межличностных взаимодействий.

Автору статьи представляется актуальным дальнейшее изучение данной проблематики в качестве мониторинга состояния социальной памяти молодежи стран – участниц и кандидатов на вступление в Евразийский экономический союз.

Список литературы

1. *Осадчая Г. И., Киреев Е. Ю.* Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 70–78.
2. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкин. – Москва: Новое изд-во, 2007. – 346 с. – ISBN 978-5-98379-088-9.
3. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С. 8–27.
4. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. Pp. 7–24. DOI: 10.2307/2928520.
5. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебников. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
6. *Marianne H.* The Generation of Postmemory Columbia University Poetics Today. 2008. Vol. 29. No. 1. Pp. 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019.
7. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. DOI: 10.5325/studamerjewilite.35.1.0123.
8. *Бауман З.* Ретротопия / З. Бауман; перевод с английского В. Л. Силаевой. – Москва: ВЦИОМ, 2019. – 156 с. ISBN 978-5-906345-19-6.
9. *Boym S.* The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001. DOI:10.5040/9781501337536.0019.
10. *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. Издательство «Новое литературное обозрение», 2016. – 872 с.
11. *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14. ISSN: 0130-3864.
12. *Рождественская Е. Ю., Семенова В. В.* Социальная память как объект социологического изучения. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Том. 5. № 6. С. 27–48.
13. *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 514 с.
14. *Борозняк А.* ФРГ: волны исторической памяти. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html> (дата обращения: 09.03.2022).

Сведения об авторе:

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-3947-1793; PИИЦ Author ID: 1137594; Web of Science Researcher ID: AAE-1252-2022.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; принята в печать 10.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIAL MEMORY OF THE YOUTH OF THE EAEU: RESEARCH RESULTS

Maria V. Roslavtseva

Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

For citation: Maria V. Roslavtseva Social memory of the youth of the EAEU: research results. *DEMIS. Demographic research*. 2022. Vol. 2. No 3. Pp. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.2>. EDN: UWZORY

Abstract. Within the framework of this article, the research team studies the state of social memory of young people in the EAEU member states. The purpose of the presented work is to describe the trends in the development of social memory of young people in the Eurasia in order to maintain productive socio-economic cooperation of the EAEU countries in the future. The hypothesis of the research is: the social memory of the youth of the EAEU countries contains little information about the common past of the countries of this union, and there is also no positive image of the integration association, so the governments of the EAEU countries need to form and implement a number of measures to consolidate the youth of these countries. To test the hypothesis a theoretical review was conducted as well as an empirical study by the method of semistructured interviews. Fifty expert interviews were held with representatives of all EAEU member states and candidate countries for joining the Union. As a result a detailed expert assessment of the development of social memory and its promotion policy was obtained. Authors have highlighted positive and negative trends in the formation of ideas about the common past and the current state of Eurasian integration among the youth of the EAEU. Authors also gave practical recommendations the implementation of which will consolidate the youth of Eurasia and form a positive image of their common past and future. The results of the study can be interesting to the political leadership of the EAEU countries as they highlight the problems of insufficient integration policy of the union. In the future it is of interest to evaluate the implementation of the measures proposed by experts in practice

Keywords: social memory, identity, EAEU, youth, social policy, Eurasianism.

References

1. Osadchaya G., Kireev E. Social`naya pamyat` molodezhi gosudarstv-uchastnikov evrazijskoj integracii: teoreticheskaya model` sociologicheskogo analiza [Social memory of the youth of the member States of the Eurasian integration: a theoretical model of sociological analysis]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. No. 3 (59). Pp. 70–79. (In Russ.)
2. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la memoire* / M. Halbwachs; translation from French by Sergej N. Zenkin. Moskva: Novoe izd-vo, 2007. 346 p. ISBN 978-5-98379-088-9. (In Russ.)
3. Halbvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat` [Collective and historical memory]. *Neprikosnovenny`j zapas*. 2005. No. 2–3 (40–41). Pp. 8–27. (In Russ.)
4. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*. 1989. Vol. 26. Pp. 7–24. DOI: 10.2307/2928520.
5. Assman A. *Dlinnaya ten` proshlogo: memorial`naya kul`tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] / A. Assman; translation from German B. Khlebnikov. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. ISBN 978-5-4448-0146-8. (In Russ.)
6. Marianne H. The Generation of Postmemory Columbia University. *Poetics Today*. 2008. Vol. 29. No. 1. Pp. 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019.
7. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. DOI: 10.5325/studamerjewilite.35.1.0123.
8. Bauman Z. *Retrotopiya* / Z. Bauman; translation from English V. L. Silaeva. Moscow: VCIOM, 2019. 156 p. ISBN 978-5-906345-19-6. (In Russ.)

9. Boym S. The Future of Nostalgia. *New York: Basic Books*, 2001. DOI: 10.5040/9781501337536.0019.
10. Levada Yu. *Vremya peremen: predmet i poziciya issledovatelya [Time of change: subject and researcher's position]*. New Literary Review Publishing House. 2016. 872 p. (In Russ.)
11. Toshhenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Modern and Contemporary History*. 2000. No. 4. Pp. 3–14. (In Russ.)
12. Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. Social'naya pamyat' kak ob'ekt sociologicheskogo izucheniya [Social memory as an object of sociological study]. *Interakciya. Interaction. Interview. Interpretation*. 2011. Vol. 5. No. 6. Pp. 27–48. (In Russ.)
13. Bragina N. G. *Pamyat' v yazy'ke i kul'ture [Memory in language and culture]*. Moscow : Languages of Slavic cultures, 2007. 514 p. (In Russ.)
14. Boroznyak A. FRG: volny' istoricheskoy pamyati [Germany: waves of historical memory]. *Neprikosnovenny'j zapas. Debaty' o politike i kul'ture*. 2005. No. 2–3. [Electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html> (data obrashheniya: 09.03.2022). (In Russ.)

Bio note:

Maria V. Roslavtseva, junior researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-3947-1793; RSCI Author ID: 1137594; Web of Science Researcher ID: AAE-1252-2022.

Received on 26.05.2022; accepted for publication on 10.08.2022.

The author has read and approved the final manuscript.